

ЧТО ТАКОЕ ТАНТРА?

Перевод фрагмента из книги: Padoux A. Comprendre le tantrisme. Les sources hindoues. Paris, 2010. P. 17–41. Автор перевода: Андрей Игнатьев

Даже по своей природе, распространённости и продолжительности существования феномен Тантры представляет проблему, так как каким образом объяснить появление и мало-помалу повсеместное проникновение в индийские религии – индуизм, буддизм и даже джайнизм – в Индии и значительной части Азии практик и представлений, которые, не переставая сохранять разнообразие, имеют, однако, достаточно общих черт как в практике, так и в идеологии, чтобы можно было разглядеть в них специфический, опознаваемый и, возможно, поддающийся определению феномен. Как это происходит, что об определённых действиях или представлениях можно говорить: «Это Тантра»? Как можно выделить, читая тексты (какие категории текстов, к тому же?) и наблюдая ритуальные действия, а также мнения и представления, которые эти действия сопровождают или истолковывают *a posteriori*, достаточно общие и показательные точки, чтобы сложилось впечатление, что за этими разнообразными аспектами скрывается единый феномен? Или же мы являемся жертвами оптической иллюзии? Может, мы видим глобальный феномен, в то время как в действительности имеются лишь более или менее сходные вещи, имеющие, как говорят, «подобные родства», но ничто не позволяет объединить их под общей рубрикой – феномен, заметим, который, появившись в Индии, вышел за её границы (в особенности с буддизмом мантраяны), чтобы распространиться сконцентрированным или разбавленным образом по всей Азии: в Центральной Азии, на Тибете, в Монголии, в Юго-Восточной Азии (в Индокитае, Индонезии – на Бали ещё до сих пор) и даже на Дальнем Востоке.

В том, чтобы говорить здесь об общем феномене, возможно, находит своё проявление западная, внешняя манера смотреть на вещи. Ведь именно европейские ориенталисты первыми обнаружили или посчитали, что они распознали в том, что им было известно как индийские религии – в индуизме и в буддизме – черты, окрещенные ими «тантрическими». Вначале они полагали, что эти черты ограничены определённой и поддающейся локализации сферой, а затем заметили их всеобщность и, в конце концов, иногда дошли до отрицания их специфичности. Но если внешний взгляд может быть оспариваем, всё-таки имеется основание для такого взгляда на вещи: традиционная Индия, даже если ей было незнакомо понятие «тантризм», признавала, как мы увидим, особый, тантрический характер отдельных текстов и обрядов, также как отдельных форм божественного откровения.

А значит, бесспорно существует «проблема тантризма», и именно с её изучения следует начать, затрагивая одновременно и терминологический вопрос: вопрос о слове «тантризм», а значит, манеру именовать феномен, которому нам следует дать определение. Между тем, «дать определение» означает одновременно выделить, понять и дать название: дать название в сфере религии является существенным, даже основополагающим. «Великие боги родились из каламбура, являющегося разновидностью адюльтера», – сказал Поль Валери.

Распространённость и разнообразие феномена Тантры делают нелёгким его определение. Его текстовые источники – главным образом, но не только на санскрите – образуют значительную массу, из которой, в действительности, известна лишь часть, хоть и немалая. Кроме того, эти тексты часто труднодоступны. В текстах, которые остаётся не только изучить, но также и открыть, возможно, содержатся сведения, открывающие новые перспективы. Наконец, тантрическая вселенная образует аспект индуизма, появившийся, без сомнения, около полторы тысячи лет назад, существующий до сих пор и очевидно развивавшийся на протяжении столетий. Возможно ли это оценить

полным образом? В действительности в ходе исследований мы сталкиваемся со сферой, для истолкования которой предлагаются различные способы, и стало быть, благоразумно ничего не утверждать категорическим образом.

Некоторые опыты дефиниции

Как именовать область или феномен Тантры? Во Франции, как правило, говорят о «тантризме». Но это слово чуждо традиционной Индии. Его нет в санскрите. В Индии его встретишь, и ещё достаточно редко, лишь в наши дни, и у авторов, воспринимающих западную терминологию и категории мышления. Живя в реальности того, что мы окрестили «тантризмом», индийцы вплоть до наших дней никогда его не выделяли, чтобы превратить в особую социо-религиозную категорию, чтобы поместить его как особую специфическую целостность в рамках общей и широко охватывающей сферы индуизма. Это даже если они на протяжении долгого времени проводили различие между тем, что является тантрическим, и тем, что, по меньшей мере, в теории не относится к таковому.

Можно было бы здесь попутно напомнить, что также и термин «индуизм» для обозначения безграничного разнообразия культов и практик социорелигиозной вселенной, развивавшейся в Индии на протяжении столетий на ведийской основе, равным образом чужд этой цивилизации. Как и термин «тантризм», он обозначает индийскую реальность с позиции внешнего наблюдателя: с позиции мусульманских завоевателей Индии и арабских путешественников (в частности, аль-Бируни, а затем всех тех, кто последовал за ними). Как и слова «тантризм», в санскрите не существует слова «индус» – по крайней мере, его не было до XV или XVI вв., а появляется оно только благодаря присутствию мусульман. А что касается слова «индуизм», то оно появилось только во время британского правления в XIX в. В равной степени понадобилось также влияние Запада, для того чтобы в наши дни в Индии религиозный национализм (также заимствованный у нас) провозглашает себя индуистским и создаёт даже понятие хиндутва,

«индуистскость», выражая то, что якобы является изначальной реальностью индийской родины. Что касается взгляда на Индию извне, можно было бы ещё сказать, чтобы избавиться, наконец, от колониалистского подхода, когда господствуют над другим, давая ему зависимое определение, что прежде всего именно европейские и американские индологи пытаются нынче деконструировать обобщающее представление об индуизме, видя в нём скорее совокупность родственных религий, а не единую религию с различными гранями, и настаивают на факте, что религии следует понимать в соответствии с их категориями, а не в соответствии с нашими. Таким образом, «Индия» это также название, прилагаемое извне к этому азиатскому субконтиненту: обречена ли Индия с самого начала обозначать себя только с позиции внешнего наблюдателя? Но вернёмся к нашей теме.

Слово «тантризм» и прежде всего идея, что якобы существует индийская социорелигиозная целостность, которую можно было бы обозначить таким словом, или что по меньшей мере будто бы имеется набор религиозных текстов Тантры и соответствующая среда, совершенно отличных от вселенной «нормального» индуизма (то, что на английском языке называется mainstream Hinduism), происходят, стало быть, с Запада и имеют сравнительно недавнее происхождение. С исторической точки зрения вначале встречаются термины «тантра» и «тантрический». «Тантризм» появляется позже. Первое «европейское» упоминание о тантрах обнаруживается в пятом томе «Asiatic Researches», вышедшем в 1798 г. в Калькутте. Первым западным исследователем тантр был Х.Х. Вильсон, который упоминает их в 17-м томе своей работы «Sketch of the Religious Sects of the Hindus» (1832), где он всё-таки не описывает как тантрические рассматриваемые им практики: он приписывает их left-hand worshippers of the Goddess, «леворучным почитателям Богини». Вильсон замечает, что они весьма многочисленны среди шиваитов, что является точным и верным наблюдением. Представление, что в данном случае мы имеем дело с особой категорией текстов, появится лишь позже. Этой темой начинает заниматься Эжен Бюрнуф, посвятивший

раздел своей работы «L'Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien» (1844) тантрам (буддийским). Здесь он со знанием дела подчёркивает их связи с шиваизмом – с тем, что он называет «нелепыми и непристойными шиваитскими обрядами». Но если мы обнаруживаем у него термин *tantrika*, то не находим слова тантризм. Оно не встречается также и позже у пионера тантрологических исследований сэра Джона Вудроффа (использовавшего псевдоним Артур Авалон), кроме как в примечании к его книге «*Shakti and Shakta*» (1918), но как раз для того чтобы критиковать «the so-called tantricism». Как бы то ни было, именно в XIX в. западные востоковеды осознают существование в индуистской среде практик, отличных от практик брахманизма и классического индуизма, основывающихся на ведах и упанишадах, которые им были известны (достаточно плохо) и которые, по их мнению, образовывали всю совокупность индийской метафизики и религии. Эти практики они обнаружили в текстах, большей частью носящих название «тантры».

Стало быть, они использовали этот термин (и прилагательное «тантрический») для обозначения того, что казалось им нелепым собранием странных или отвратительных практик, связанных с культами многочисленных и часто вызывающих ужас божеств, а также причудливых построений. С того времени берёт начало мнение, что Тантра чужда тому, что является подлинной индийской религией и мыслью или в любом случае совершенно отличной от них. Представление, конечно, ошибочное, но это осознали только намного позднее. Этот предрассудок сохранялся на протяжении долгого времени и вместе с ним вошло в оборот слово «тантризм», которым пользуются до сих пор, хотя это и досадно. Окончание «-изм» побуждает верить в существование особого религиозного течения, стоящего отдельно от индуистского ансамбля, отличного от индуизма вообще, в то время как в действительности ничего подобного не существовало: *mainstream Hinduism* полон тантрических элементов, он развился вместе с ними. Стало быть, по моему мнению, следовало бы насколько это возможно,

избегать использовать слово «тантризм». Но поскольку это слово получило во Франции распространение, невозможно целиком исключить его из употребления, при условии что оно обозначает аспект, тенденцию в рамках индуизма, а не отдельное религиозное течение – также как, например, янсенизм это не особая религия или секта, а способ истолковывать католичество и жить в соответствии с ним. В англосаксонском мире (чья терминология и её использование очевидно важны в случае Индии) редко прибегают к термину *tantrism* или *tantricism*. Скорее здесь используют (особенно в наши дни) термин «Тантра», который удобен для англоязычных, но не для франкоязычных. Всё это означает, что в этой книге, несмотря на её заглавие, мы будем избегать насколько это возможно слова «тантризм», чтобы говорить о «феномене» или мире Тантры, и если мы им пользуемся, то лишь всегда в указанном смягчённом смысле.

Как мы видим, существует не только неуверенность в обозначении феномена Тантры, но также и в отношении её природы и даже её существования. Среди ориенталистов некоторые дошли даже до полного отрицания подлинного существования тантрической категории, эта позиция особенно защищаема в области буддизма. Скорее в ограничительном смысле французский индолог Жан Фийора, много занимавшийся темой шиваизма, сказал таким образом о тантризме, что он является только техническим, ритуальным аспектом религии, будь ли то она шиваитская, вишнуитская, буддийская или джайнистская: трактат по религиозной архитектуре, добавил он, непременно будет тантрическим, это мнение в своей области не перестает быть верным, насколько, в частности, характерной чертой тантризма является, как мы увидим, распространение через ритуал. Эта точка зрения всё же неудобна, поскольку оставляет без внимания сферу идеологии. Между тем, кроме того что не бывает обряда без идеологии, существуют тантрические представления о божественном, тантрический взгляд на мир и человеческое существо, которые важны для определения этого феномена.

То, что он не образует ограниченную область индуистского мира, но является чем-то одновременно обособленным и рассеянным, можно было бы назвать вездесущим, в рамках индуизма ныне допускают, я думаю, все специалисты, и это мнение имеет тенденцию, во всяком случае, должно было явиться общепризнанным. Не существует индуизма (кроме достаточно редких исключений), лишённого всякого тантрического элемента. Луи Рену, самый выдающийся из французских индологов XX в., писал таким образом: «Все последующие (за XX в.) литературные свидетельства, которые появились, будучи лишены влияния тантризма, рискуют просто служить отражением квазиархеологического желания возродить древний индуизм». Но если именно только в наши дни эта истина была рассмотрена и подтверждена, её иногда ощущали или предчувствовали и ранее. Таким образом Вильсон в 1832 г. уже отмечал вездесущность тантрических обрядов «среди всех слоёв индусов». Именно это уже ближе к нам (но с тех пор прошёл век) Артур Авалон (сэр Джон Вудрофф) старался сделать признанным своими разнообразными публикациями. В своём предисловии к книге «Принципы тантры», изданной в 1914 г., он написал следующие слова, которые всё ещё остаются в силе: «Средневековый индуизм (если использовать этот термин скорее неясный, чем удобный) был в значительной степени тантрическим. Такой же является и современная индийская ортодоксия. Тантра образовывала таким образом и она остаётся ещё и в наши дни великую Мантру- и Садханашастру (священные книги) Индии: она – основной, если не единственный источник некоторых наиболее важных представлений, являющихся определяющими для культа, образов божеств, инициации, йоги, главенства гуру и т.д.» Если словесное выражение может вызвать удивление, суть сказанного не перестаёт быть в значительной степени верной. Можно было бы привести другие свидетельства, в частности, индийские, которые звучат таким же образом.

Впрочем, тем более затруднительно отыскать и неблагоприятно предположить формулировку общего значения, поскольку, как мы покажем в

этой книге, если феномен Тантры в начале должен был носить ограниченный характер, а значит, поддаваться определению, в ходе столетий (достаточно рано, может быть) он приобрёл двойной аспект. С одной стороны, имелись традиции или инициатические линии, доктрины и практики, иногда трансгрессивные, собственно тантрические, признанные и воспринимаемые в качестве таковых, и это вплоть до наших дней. С другой стороны, наряду с этими тантрическими традициями практически повсеместно в индуизме присутствуют тантрические практики и представления (именно это хотел сказать Артур Авалон). Необходимо выделить и уточнить эти два аспекта.

Итак, не следовало бы допускать чрезмерные упрощения. Только что отмеченные нами два аспекта не могут не соприкасаться: иногда они взаимопроникают.

Индийский взгляд на проблему

Термин «тантризм» чужд традиционной Индии и санскриту. В санскрите есть только существительное «тантра» и прилагательное «тантрика», «тантрический» или составные термины (тантрашастра, «тантрическое учение», тантрапракрия, «тантрическое предписание или практика» и т.д.). Санскритское слово «тантра» связано с глагольным корнем «тан», который означает «протягивать, распространять», отсюда тантра в смысле «челнок», ткацкий станок, безостановочность и исходя из этого, «система», теория, доктрина, работа. А значит, тантра это работа, текст, но это любой текст, «собрание разнообразных фактов», сказал один индийский философ V в.

Многие санскритские тексты, которые никоим образом не являются тантрическими, называются тантрами, например, крупный индийский сборник сказок, Панчатантра («Пять книг»). И напротив, также имеется множество тантрических текстов, которые не именуется «тантрами». В особенности это обычная практика у буддистов. Равным образом это распространено и в индуистском тантризме, где основные произведения носят названия агам, самхит, сутр и т.д., но не тантр. При этом факт, что, начиная с определённой

эпохи (возможно, VI в.) в Индии в значительном числе появились тексты, называемые тантрами, чьи авторы излагали новые учения и практики и ссылались на божественное откровение, не связанное с ведами, отсюда, чтобы определить эти тексты и эти новые явления, прилагательное «тантрика» и выражение «тантрашастра» для обозначения выраженного в них учения.

Прилагательное «тантрика» в этих условиях использовалось в противопоставлении с «вайдика» («ведийский»), чтобы провести различия между двумя формами данной в откровении религиозной традиции – шрути, «то, что было услышано». Наиболее известная формулировка этого различия, на которую обычно ссылаются, содержится в комментарии на «Законы Ману» Куллуки Бхатты, который заметил в VI в., а значит, после периода значительного подъёма тантризма (приблизительно VIII – XIII вв.), в то время как почти все разнообразные течения индуизма были наполнены тантрическими элементами, что Откровение (шрути) является двойственным, «ведийским» и «тантрическим». Это было признанием за этими двумя данными в откровении традициями божественной основы, будь ли то священное, вечное и самооткрывающееся Слово Вед или то, что возвещало божество.

Характерной чертой тантрических традиций является то, что они представляют себя как данные в откровении божественной сущностью, которое, возвещая их, побуждает некоторым образом «снизойти» своё слово с трансцендентального уровня, где оно существует предвечно, в мир людей – именно это, что называется «снисхождением тантры» (тантраватара), почти всегда описывается в начале любой тантры. Эти откровения рассматриваются как высшее по отношению к откровению вед, потому что они, по их собственному утверждению, более действенны для благополучия людей, быстрее приводят их к благополучию и на более высокий уровень, чем это делает учение на ведийской основе. Тантрические откровения также представляются как лучше отвечающие потребностям живых существ в

нынешнюю космическую эпоху, калиюгу, где господствует желание, эрос (кама).

Различные формы тантрической традиции вообще не отвергают всё-таки полностью традиции брахманской, происходящей от вед. Тантра рассматривает её как представляющую ценность, но только на низшем уровне, как учение или общие предписания, к которым добавляются, не отменяя их, особые и более высокие предписания тантр.

Продолженная или воспроизводимая в наши дни в другой терминологии, через противопоставление ортодоксальное/гетеродоксальное, противоположность вайдика/тантрика не является в действительности абсолютной. Прежде всего потому что речь идёт о двух категориях с неопределёнными границами. Другой же причиной является то, что индуистская ортодоксия определяется больше социальным поведением, чем верованиями и обрядами. Можно вести себя на людях как индуист, уважая и соблюдая кастовые предписания и ритуальную чистоту, не переставая быть почитателем одной из форм Богини или Бхайравы или, более обычно, присутствуя в храмах на культовых церемониях (или заказывая совершение обрядов), выполняемых согласно предписаниям агам жрецами, которые, если они шиваиты, обычно являются тантрическими посвященными.

Различные формы тантрической традиции, как мы увидим, также могут быть более или менее гетеродоксальными, трансгрессивными – при этом сама трансгрессивность в случаях, где она существует, может, впрочем, сочетаться с внешним почтением к брахманским нормам. Среди них есть в особенности обряды перехода, санскары, отмечающие этапы жизненного пути «дваждырождённых» и которые соблюдает кастовый индуист, даже если он тантрика. Между тем, к санскарам принадлежат ведийские обряды, которые практикуются ещё и в наши дни. Они отличаются от торжественного ведийского культа древних времён, который более не существует в Индии – за исключением некоторых редких пережитков в особенных обстоятельствах или как сознательное квазиархеологическое возвращение в прошлое, иногда

спонсируемое группами западных поклонников индуизма, а иногда также поддерживаемое индийскими политиками, придерживающимися реакционной идеологии. Впрочем, случается, что в этих реконструкциях всплывают элементы тантрического происхождения, поскольку они столь часто присутствуют в индуизме, что не воспринимаются как имеющие неортодоксальную природу.

Стало быть, помимо таких достаточно исключительных случаев элементы вайдика и тантрика соприкасаются или соединяются почти повсюду различными путями и в различных степенях.

Это общераспространённое присутствие не только обрядов и практик, но также и элементов тантрического мировоззрения стало причиной того, что на протяжении веков их ценность неоднократно признавалась или зафиксировалась совершенно ортодоксальными авторами. Так, около 900 г. философ Джаянта Бхатта утверждал, что возможно признать учение тантр и ценность их откровения в той степени, насколько они отвечают определённым критериям аутентичности и не противоречат ни традиции ведийского происхождения, ни добрым нравам. Чуть позже один из учителей тамильского вишнуизма, Ямуначарья (918–1038), который был наставником великого ведантистского теолога Рамануджи (стало быть, приверженец строгой ортодоксии), написал труд «Агамапраманья», защищая ведийскую ценность самхит, священных текстов панчаратры, тантрического вишнуизма. Можно, конечно, сказать, что Ямуначарья защищал ценность лишь особой формы откровения, связанного с божеством, и отличающегося этим от ведийского Слова, а не «тантрических» представлений и практик, противостоящих общепризнанной «ортодоксальной» традиции.

Очень хочется по этому поводу повторить, что тантрическая категория принадлежит нам, людям Запада, и что мы выдвигаем её с XIX в.: это не Индия. Это категория ограничивается знанием и признанием того, что в религии есть различные пути, и констатацией того факта, что неведийские пути мысли и действия были даны в откровении божеством, которое, впрочем,

в конечном итоге, является только одной из форм единой высшей реальности, Брахмана, признаваемого всеми. Добавим, что эти божества, которые давали в откровении агама, самхиты или тантры – Вишну, Шива, Богиня – почитались в Индии на протяжении столетий. А значит, признать ценность их слова не означало в действительности признание чего-то нового. Заметим, наконец, что то, за чем Ямуначарья подтверждал ведийскую ценность, была панчатантра, это традиция, чьи ритуальные практики и учение являются, конечно, совершенно тантрическими, но никоим образом не трансгрессивными. Между тем, именно в той степени, насколько различные формы тантрической традиции являются трансгрессивными, они могли составлять проблему. Но эту проблему, как мы увидим, можно разрешить, если уметь дать трансгрессии её место.

С этой точки зрения полезно увидеть, что думал великий метафизик и мистик, представитель кашмирского шиваизма X – XI вв. Абхинавагупта, который являлся одним из самых выдающихся мыслителей Индии и который говорил изнутри тантрической среды и придерживался традиции, бывшей в значительной степени трансгрессивной. В своём крупном сочинении «Тантралока» («Свет, озаряющий тантры»), выстраивая иерархию различных откровений (и помещая ведийское откровение в самый низ), он объявил их все ценными на свой манер и на их собственном уровне, потому что они отвечают различным нуждам и обстоятельствам и прежде всего потому что они все в действительности исходят от высшего божества – которым для него очевидно являлся Шива. «В реальности, – утверждал он, – есть только одна единая традиция (агама). Именно на ней всё основывается, начиная от народных представлений и до учений вишнуитов, буддистов и шиваистов».

Конечно, для Абхинавагупты самой высшей традицией и единственно по-настоящему ценной была его собственная: тантрический недуалистический шиваизм школы кула, основанный на бхайрава-агамах, а все остальные традиции были ниже её. Но это выстраивание иерархии откровений не привело к тезису о существовании отдельной области Тантры. Он видел только

различные формы традиции, данные в откровении, и разнообразные учения и практики, некоторые из которых оказывались тантрическими, а другие – нет. Их разделяла всё-таки не эта черта, но различные источники их происхождения, ссылки на различные божества и тексты, наконец, традиции их передачи, которые все (в большей или меньшей степени) заслуживали признания и уважения. Среди них и в отношении того, что касалось кашмирского шиваизма, который он проповедовал, практики и образ жизни, имеющие ведийскую основу, присущую кастовому индуизму, хоть они и были неэффективны для освобождения, всё-таки следовало соблюдать с сфере общественной жизни.

Этой точки зрения придерживался вовсе не только Абхинавагупта. Её можно встретить, например, в объёмной старинной тантре, посвящённой культу Кали, Джаядратха-ямале, в которой адептам всё-таки не очень ортодоксального культа предписывается соблюдать ведийские правила поведения «для того чтобы вызвать уважение к их гуру». Весьма показательно и весьма точно также выражение, иногда встречающееся в текстах школы каула для описания того, каковым должно быть поведение адепта тантрической традиции: он должен быть «внутри каулой, внешне шиваистом и приверженцем Вед на людях». Сфера тантрических практик и доктрин в кауле, в этой перспективе предстаёт как сфера личных инициатических поисков спасения, отличная от сферы семейной жизни (где можно быть только почитателем бога Шивы или Богини), так же как и от общественной жизни, где соблюдаются «ведийские» предписания индуистского кастового мира.

Эта позиция показывает нам, что сфера Тантры совершенно интегрирована – на своём месте, конечно, и со своими правилами – в религиозную жизнь индуистского общества. Наконец, насколько Абхинавагупта подчёркивает различия (а вместе с ним и множество авторов на протяжении столетий), так это во многих отношениях в меньшей степени различия, противопоставляющие индуистов вайдика и тантрика, чем те, которые пролегают (как мы это увидим) между традициями и практиками

внутри самого мира Тантры, мира, повторим, воспринимавшегося как часть индуизма. Занимая своё место, он был пронизан им и проникал в него сам многими путями.

Следует отметить, наконец, что касается интеграции того, что является тантрическим, в социо-религиозный индуистский ансамбль, в кастовое общество, а вплоть до наших дней именно в таком обществе живёт большинство индуистов, что тантрические тексты написаны на санскрите: стало быть, они составлялись брахманами, стражами традиции и ортодоксии, а это помещает данные тексты уже вовнутрь системы – на край, конечно, но всё-таки вовнутрь. Дополнительным свидетельством взаимопроникновения Тантры и ортодоксии, «ведийского» и того, что не является таковым, выступает то, что канонический состав ста восьми упанишад, кодифицированный в XVIII в. и восходящий, предположительно, к Ведам, содержит несколько упанишад (составленных или вновь записанных в эту эпоху на основе древних учений, в частности, учения натхов) совершенно тантрического характера.

Этот последний факт принадлежит к очень недавнему времени. Но мы только что видели другие факты, восходящие к намного более отдалённым эпохам. Основные формы тантрической традиции рассматривали достаточно рано, возможно, с самого начала, собственные представления и практики не только как дополняющие традицию Вед, но и как образующие инициатическую и эзотерическую надстройку, особое учение, венчающее эзотерическую «ведийскую» основу, неспособную привести к освобождению, но ценную в своей области, области преимущественно социального поведения. В этом отношении тантризм и брахманизм неразделимы. В этой перспективе можно было бы, вероятно, рассматривать сферу Тантры как являющуюся для адепта его личной, частной, тайной сферой в противоположность «ведийской» сфере, публичной, открытой и видимой. Что касается этого, расположение учений ступенями было закреплено некоторыми тантрическими авторами в теории прогрессивно восходящей специфичности

учений (уттароттара-вайшиштья): новое учение, согласно этой точке зрения, не отменяет предшествующее, оно превосходит его свыше, привнося уточнения (вайшиштья), позволяющее идти дальше. Именно таким образом, говорит, например, Абхинавагупта, тантрическая традиция «левой руки» (вама) идёт дальше, чем традиция «правой руки» (дакшина). Традицию «левой руки», в свою очередь, превосходит традиция кулы, а традиция трики, его собственная, являющаяся самой специфичной и наивысшей среди всех, стоит ещё выше, чем кула. Заметим попутно, в этих перечислениях течений или школ термин «тантра», когда он используется, служит для обозначения тех из них, которые являются наименее тантрическими.

Возможно, полезно, наконец, добавить, что имеется также важный социальный аспект мира Тантры, относящийся к области политики: как мы увидим, он связан с традиционной монархией. Это аспект, чьи следы сохраняются в Непале, а также и в Индии.

Всё то, что мы сказали здесь об общем проникновении тантрических представлений и практик в индуизм, не препятствует тому, что в наши дни в Индии тантрическая деятельность, когда она проявляется как таковая, имеет тенденцию восприниматься среди широких слоёв общественности как трансгрессивная и опасная магия. Без сомнения, это если не неточное, то по крайней мере неполное и пристрастное мнение, но оно существует; мы вернёмся к нему в одиннадцатой главе. Стало быть, видно, что даже с точки зрения индийцев тантрический мир сложен и представляет собой проблему.

Но посмотрим теперь, что говорят западные специалисты, чей взгляд, поскольку это извне, неангажирован, и он является или считает себя объективным: вне зависимости, объективны они или нет, но эти специалисты привносят по крайней мере важные проливающие свет элементы, чтобы попытаться лучше увидеть и понять тему, которая нас занимает.

Взгляд с Запада, или конструирование тантризма

Если попытки уловить и дать определение феномену Тантры со стороны современных ориенталистов и историков религий носят разнообразный характер, то, по крайней мере, точка их соприкосновения заключается в признании у него общих черт, содержательного присутствия и интеграции в индуизм. Таковы, в принципе, «объективные», «научные» представления об этой совокупности социальных явлений – при этом вопрос ставится с произвольностью, присущей любым общим представлениям, и этот вопрос неизбежно, по меньшей мере частично, конструирует свою тему.

В своей работе «Техники йоги», увидевшей свет в 1948 г., Мирча Элиаде писал так: «Это не новая религия, но скорее, важный этап в развитии каждой из индийских религий. Тантризм после V в. н. э. становится паниндийской религиозной «модой». Без сомнения, некоторые из его идей устареют. Но понимание вездесущности феномена Тантры подчёркивает важность в тантрических представлениях понятия шакти, существенная роль мантр, медитативных и ритуальных техник, также как и техник, связанных с телом, а ещё утверждение, что «тантризм представляет в определённом смысле максимальное расширение понятия «освобождения при жизни» (дживанмукти)» показывают, во время, когда это не было в ходу на Западе, толковое восприятие реальности вещей.

Ближе к нам, в книге «Индуизм, антропология цивилизации», вышедшей в 1981 г., весьма отмеченной влиянием структуризма, модного в ту эпоху, но интересной и проливающей свет, Мадлен Бьярдо сказала о тантризме: «Он ничего не изобретает, он только переворачивает общепринятые ценности, перечитывая Традицию на эзотерический манер». А на тему тантрических теоретических построений о Слове она писала: «Он будто бы словно только расширил, вплоть до исступления, направление аутентично брахманической мысли». Это означало каждый раз признавать, что мы имеем дело здесь не с отдельной сферой, но с совокупностью представлений и практик, специфических, разумеется, но интегрированных в общее поле индуизма.

Ссылаясь на брахманскую теорию четырёх целей жизни человека, кама, эрос, любовь и другие мирские наслаждения, артха, то есть всё, что связано с материальной жизнью, дхарма – то, что касается социокосмического порядка и мокша, освобождение, Мадлен Бьярдо характеризует тантрический подход как поставление камы, которая в обычном состоянии привязывает людей к этому миру. Здесь перед нами толковая манера объяснения важного места (ограниченного на практике, но центрального в идеологическом плане), занимаемого сексуальными или вообще трансгрессивными практиками в Тантре.

Экстраполируя эту позицию, можно было бы объяснить первоочередную важность, придаваемую телу тантрического адепта (совершенствуемому посредством йоги, обожествляемому, возведенному на космический, трансцендентный уровень). Можно было бы также добавить сюда факт, что тантрические тексты почти всегда говорят, что их учение ведёт посвящённого к освобождению при жизни (дживанмукти), где он обнаружит одновременно мукти и бхукти, освобождение и наслаждения духовные и мирские. Напомним, наконец, что магическое господство над вселенной всегда было тем (также как и освобождение, если не больше), к чему стремились индийцы. Между тем, именно в этом, в значении, придаваемом миру и его чарам, тантризм является глубоко и сущностно индийским явлением. Возможно, он и есть то, чего есть наиболее аутентично индийского в религиях Индии.

Мы напомнили определение сферы Тантры, данное Жаном Фийора, для которого он представляет собой только ритуальный и технический аспект религии. Тантрики являются, бесспорно, «гиперритуалистами», согласно выражению Алексиса Сандерсона, и многие технические виды деятельности (архитектура, иконография) были кодифицированы в агамах, тантрах и других тантрических текстах. Но тантризм больше, чем это. Блистательный ориенталист, каковым был Мишель Стриктман, также хотел отыскать общий основополагающий элемент в тантрическом культе, пудже, которая имеет

одинаковую структуру в тантрических индуизме и буддизме (на последний сильное влияние оказал шиваизм, из которого он заимствовал немало элементов и даже текстов, как в Индии, так и в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке). Этот взгляд, потому что он хотел отыскать общий определяющий элемент для того, что есть тантрического в Азии, неизбежно является минималистским, а значит, недостаточным.

Именно из США, где существует «Society for Tantric Studies», очень активное и организовавшее несколько конференций с участием американских и неамериканских специалистов, прежде всего происходят недавние оригинальные исследования сферы Тантры. Нам представится случай упомянуть несколько таких исследований. Само собой разумеется, важные работы по этой теме равным образом выходили и выходят в Европе и в Японии. В Оксфорде Алексис Сандерсон является самым эрудированным знатоком этой темы, и нельзя написать о Тантре, не ссылаясь на него. В Италии, Австрии и Германии также есть превосходные специалисты по Тантре. Все их работы относятся всё-таки к области классической академической индологии, а значит, несмотря на их пользу и просветительский характер, их не рекомендовать читателю, не знакомому с санскритом.

Среди американских работ, касающихся темы определения сферы Тантры, следует указать в особенности на две книги Дэвида Г. Уайта, «The Alchemical Body», где автор подчёркивает связь между Тантрой и алхимией, что является весьма уместным, и «Kiss of the Yogini» где он утверждает, что вся Индия была тантрической на протяжении более тысячи лет, что, без сомнения, преувеличение, и прежде всего он отождествляет тантризм и шиваитские традиции кулы, обнаруживая, кроме того, их сущность в обрядах и построениях сексуального характера, что, на мой взгляд, слишком ограничивает их значение. Разумеется, он имеет основание проводить различие между тантрическим «твёрдым ядром», в значительной мере трансгрессивным, сформированным некоторыми текстами с их учениями и

практиками, и распространившимся более или менее повсюду тантризмом. По его мнению, этот тантризм отделился от «твёрдого ядра», в то время как кажется, что именно эта обширная совокупность придаёт реальную значимость феномену Тантры. Что касается меня, то я полагаю, что именно скорее взаимопроникновение тантризм-брахманизм следует подчёркивать, но здесь скорее нюанс, чем разногласие.

Перед тем, как перейти к обзору различных аспектов вселенной индуистского тантризма, вот в нескольких словах общим образом, в чём состоит эта вселенная, и по каким особым чертам её можно узнать.

Что характеризует тантрическую вселенную, так это представления, идеология, практики и поведение, так как то и другое взаимосвязаны: мировоззрение и средства его осуществления на живом, телесном и психическом, уровне этого мировоззрения. Тантризмом называется действие, связанное с идеологией, которая его вдохновляет и ориентирует, придаёт ему смысл (это, разумеется, для того, что действительно является тантрическим, а не для того, что только «тантризовано»).

Тантрик смотрит на вселенную как на нечто созданное, поддерживаемое и полностью пронизанное божественной энергией, шакти, присутствующей также в человеческом существе, которое может ее улавливать и использовать. Существует если не имманентность, то по крайней мере вездесущность, даже в дуалистических системах, божества (всё-таки не следует отождествлять тантризм и недуализм). С другой стороны, божество почти всегда воспринимается как поляризованное на мужское и женское, при этом женский полюс представляет собой полюс энергии, который может быть благосклонным, но если этот полюс выступает как богиня, он также грозен и опасен. Необъятность пантеона, его организация в мандалы, являются тантрическими. Не следует также забывать, что формы тантрической традиции являются инициалистическими: тантрик это посвящённый, что предполагает наличие иницирующего наставника, гуру, а затем передачу инициации от учителя к ученику. Это объясняет также то, что непрерывно

утверждается тайный характер тантрических учений. Эта тайна связана с другим важным элементом тантрической реальности: трансгрессией – простым обесцениванием или полным отбрасыванием брахманических правил и в особенности правил чистоты: именно через участие, через погружение в запретное тантрик возносится вверх, обретает все виды могущества или освобождение, достижимое в этом мире.

Среди практик ритуальное почитание божеств, пуджа, имеет тантрическое происхождение. Можно сказать, что она всегда остаётся тантрической по своей структуре, но не по духу, так как пуджа может не быть адресована тантрическому божеству. Вездесущность мантр вместе с теоретическими построениями, которые их сопровождают – мантрашаstra – как и факт, что наивысшей формой божеств является форма мантры, а также важность всего того, что имеет своей чертой слово, вач, являются тантрическими (даже если у них ведийские истоки). Наконец, характерной чертой тантризма является обилие ритуалов (что также имеет своей отправной точкой веды). Следует упомянуть также тесную связь тантризма с йогой, которая всегда присутствует – но отношения тантра – йога не перестают оставаться проблемой.

Здесь только некоторые заметки, набросанные в начале исследования, чьи подробности позволяют увидеть то, что специфично в рамках самого индуизма и также что весьма интересного имеет феномен Тантры.